

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*М.В. РАБЖАЕВА***Семейная политика в России
XX в.: историко-социальный
аспект**

История семьи в России, как, впрочем, и во всех других странах, связана с социальными, экономическими и политическими процессами модернизации обществ. Модернизационные процессы урбанизации и индустриализации меняли не только социально-экономические аспекты индивидуальной, семейной и общественной жизни, но и влияли на характер и способ ведения домохозяйства, на внутрисемейные отношения и демографическое поведение, а значит, на структуру и размер семей. Для рассмотрения и анализа спектра предельно широких политических импульсов, задававших социальный контекст изменений жизни семьи в России XX в., в данной работе используется понятие семейной политики, понимаемой как практика эффективных и экономических систем контроля, обеспеченных процедурами власти. Речь идет о тех регулирующих способах контроля семьи со стороны государства, которые и составляли суть семейной политики в России XX в., хотя само понятие семейной политики в истории российской государственности появилось лишь в 80-е гг. XX в. и определялось только как практика социально-демографической политики государства.

Индустриальные общества способствовали становлению малых, или нуклеарных, форм семьи¹. Собственно, преобладание тех или иных форм семьи служит одним из показателей уровня модернизации общества. В постиндустриальных обществах семья также эволюционирует: исследователи говорят о падении нравственно-этических норм и изменении устоявшихся представлений о семье, о нестабильности браков, о превращении в норму и росте числа неполных семей, о снижении роли семьи в социализации детей, и т.д.

Распространено мнение, что в доиндустриальных обществах семьи были расширенными и/или составными по количеству и структуре. Однако исследования социальных историков и социологов убедительно доказали: семья не была тогда той автономной структурой, островком частной жизни индивидов, каковой она стала в современных обществах, а включалась в более широкие социальные структуры –

¹ Существует множество классификационных схем семейной организации. В данной работе используются понятия: 1) малая, или нуклеарная, семья – супружеская пара, или пара с детьми (в основном, несовершеннолетние); 2) расширенная семья – супружеская пара с детьми и родственники, не находящиеся друг с другом в брачных отношениях; 3) составная семья – две и более супружеские пары с детьми и без.

родовые, общинные, цеховые и т.д. Используя экономические понятия производства (товаров/услуг) и воспроизводства (рабочей силы), можно сказать, что в доиндустриальных обществах семья была более институтом производства, чем воспроизводства. Соответственно, социализация детей не только не была основной функцией семьи, но зачастую вообще не являлась семейной функцией².

Вопросы развития и изменения семьи как социального института чаще всего связывают с вопросами стабильности обществ, видя в ней основной институт трансляции социальных ценностей от поколения к поколению [Дармодехин, 2000; Куприянова, 2002] и/или единственно легитимную социальную норму организации сексуальных практик и воспроизводства. Однако, как уже говорилось, семья, во-первых, отнюдь не во все времена была институтом социализации детей, а во-вторых, не всегда существовала как "естественная и основная ячейка общества" – мнение, распространенное не только среди исследователей, но и политиков (см., например [Куприянова, 2002, с. 2]). Модернизационные процессы влияли на развитие института семьи, что в свою очередь способствовало оформлению частных социальных отношений и частных форм организации жизни (в противовес оформлению публичных форм организации труда), повышало индивидуализацию членов семьи, приводило к демократизации отношений между ее членами – супругами, родителями, детьми и др.

В России с первой четверти XVIII в. и вплоть до начала XX в. формы семейной жизни во всех сословных группах постепенно менялись. Сначала дворянство, а затем и интеллигенция прошли путь от составной, сложной семьи к малой (нуклеарной) семье [Миронов, 1999, с. 266], так что к концу XIX в. *малая семья в России стала основной и единственной массовой формой организации семейной жизни в городе*.

Что же касается крестьянства, то вплоть до XVIII в. понятие "семья" было для этой социальной группы тождественным понятию "дом" в значении "домохозяйство"; поэтому семьей, в основном, считалась группа родственников (и не только), проживающая в одном доме и ведущая совместное домохозяйство. По мнению социальных историков, в России имперского периода среди крестьянства малая (нуклеарная) семья стала преобладать лишь после эпохи Великих реформ 60-х гг. XIX в. До этого массовой формой семейной организационной структуры у российских крестьян была составная семья [Миронов, 1999, с. 221].

Таким образом, можно отметить, что к началу XX в. малая семья в России стала распространенной, а главное – легитимной формой семейной жизни. Однако ее становление в очень небольшой степени меняло характер внутрисемейных отношений, которые главным образом основывались на патриархатно-авторитарной системе, которая характеризуется, во-первых, господством мужчин над женщинами, старших над младшими, то есть строгой половозрастной иерархией семейной жизни, и, во-вторых, приоритетами семьи как целого над индивидуальными запросами и интересами ее членов. Поэтому такая семья не была и не могла быть детоцентристской³.

Демократизация внутрисемейных отношений, как и эмансипация женщин и детей, происходили крайне медленно. К началу XX в. среди дворянства и интеллигенции внутрисемейные отношения также во многом сохраняли традиционные черты.

² Р. Зидер указывает, к примеру, что в семьях цеховых ремесленников, в отличие от семей крестьян или рабочих, детей воспитывали не для домашнего хозяйства или собственного производства, а для жизни вообще, то есть "социализация детей происходила не столько в интересах семьи, сколько сословия ремесленников и городского общества в целом" [Зидер, 1997, с. 118].

³ Детоцентризм современных семей – во многом следствие индустриализации и модернизации, в результате которых функция социализации детей перешла от широких социальных структур (род, община, цех и т.д.) к семье, которая в свою очередь становилась малой (нуклеарной). Ф. Арьес наглядно показал, как с конца XVII в. происходила институализация детства и организация семьи вокруг ребенка [Арьес, 1999].

Даже для образованных людей индивидуализм, соблюдение частного пространства личности в то время не были распространенной повседневной практикой. Кроме того, стоит напомнить, что вплоть до середины XX в. Россия была крестьянской страной, а если учесть, что "в изживании архаических форм семейной организации город обгонял деревню примерно на 50 лет, то есть на два поколения... а возможно, и на три" [Миронов, 1999, с. 236], то можно сказать, что демократизация и эмансипация семейных отношений в России на рубеже XIX–XX вв. продвигались черепашьими темпами.

Семья в Советской России представляла собой институт, с одной стороны, унаследовавший прежний авторитарно-патриархатный стиль внутрисемейных отношений, а с другой – стремительно модернизировавшийся под воздействием трансформационных импульсов нового государства. Влияние целенаправленной государственной политики на семейные структуры и формы внутрисемейных отношений отмечено многими исследователями. В то же время эта политика в отношении института семьи, как отмечает С. Дармодехин, "...всегда была ограниченной, не носила системного характера, отождествлялась с социальной политикой. Институциональные интересы семьи в государственной деятельности специально не выделялись и не учитывались" [Дармодехин, 2000, с. 3]. Однако отсутствие системной, целостной и целенаправленной семейной политики не отрицает существования намеренных и ненамеренных воздействий на семью. Семейная политика Советского государства, строившаяся на идеологии равенства (классового и полового) и неприятии буржуазных форм брака и семьи, сосредоточивалась на регуляции брачно-семейных отношений работающих женщин и на вопросах охраны и материальной поддержки материнства и детства.

Исследователи социальной истории семьи выделяют несколько принципиально разных по своей направленности и влиянию на внутрисемейные отношения и структуру семьи периодов в истории социальной политики Советского государства.

Первый период (1917 – середина 1920-х – начало 1930-х гг.) часто называют временем радикального переустройства института семьи и сексуальной революции в России [Чуйкина, 2002, с. 112]. Он характеризуется либеральным законодательством и легитимацией ряда запрещенных в имперский период индивидуальных, в том числе сексуальных, прав и свобод.

Декрет "О гражданском браке, детях и ведении книг актов гражданского состояния" от 18 декабря 1917 г. утвердил единую⁴ процедуру гражданской, светской регистрации брака, отменив церковную как единственно легитимную и легальную.

Кроме того, было узаконено формальное равенство женщин и мужчин во всех сферах жизни по обеспечению равного доступа к работе, образованию, социальным услугам и благам. Россия была не только одной из первых стран мира, провозгласившей равенство полов, но и первой страной, в которой начала проводиться направленная социальная политика по созданию условий для реализации равных прав и возможностей для женщин. Благодаря такой политике государства в СССР на практике была создана одна из первых в мире эмансипаторских в отношении женщин и детей система социального обеспечения⁵.

⁴ Ранее существовали разные формы регистрации брака в зависимости от вероисповедания.

⁵ Речь идет о широком спектре социальных гарантий и льгот, существовавших в СССР, как всеобщих (вне зависимости от пола), так и специфически женских. Укажу лишь на самые основные: гарантированный государством доступ к всеобщему среднему образованию, бесплатное высшее образование и гарантированное трудоустройство, помощь в получении квартиры, профессионального образования и служебного роста, сеть доступных государственных дошкольных и школьных учреждений, дополненных системой внеклассного образования и развития школьников, гарантированная оплата больничных листов, отпусков по беременности, родам, и т.д.

Эмансипации женщин во многом способствовали введение облегченной процедуры развода и легализация аборт⁶. Декрет "О расторжении брака" сделал процедуру развода светской и доступной. Дела о разводах, возбужденных в одностороннем порядке, были переданы из церковного ведения в ведение местных судов. Принятый в октябре 1920 г. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве упрощал процедуру развода: по взаимному согласию он происходил в ЗАГСе, а по заявлению одного из супругов – в суде. Сама судебная процедура была облегчена: дела слушались без участия заседателей, а при неявке в суд обоих супругов – заочно [Антокольская, 1999, с. 74, 76].

Постановление Наркомата здравоохранения и Наркомата юстиции от 18 ноября 1920 г., разрешавшее в России искусственное прерывание беременности в медицинских учреждениях, первым в европейской истории легализовал аборты. Данный факт, как бы это сегодня ни оспаривали сторонники движения "*pro life*", – бесспорно, большой шаг в процессе эмансипации российских женщин, позволивший им самостоятельно контролировать собственную сексуальность и фертильность⁷.

Введение бесплатного аборта в медицинском учреждении с обеспечением "максимальной безвредности" (цит. по [Беседа...]) для женского здоровья при всех его отрицательных последствиях было все же благом для российских женщин, большинство из которых в послереволюционной и послевоенной стране жили в нужде, страдали от сложностей быта и отсутствия постоянного и надежного партнера. Так, в 1925 г. 60,4% ленинградонок, сделавших аборт, объясняли свой поступок крайней нуждой. Как указывает Н. Лебина, потребность в бесплатных абортах была столь велика, что в Ленинграде в 1924 г. вышло постановление о формировании абортных комиссий, призванных устанавливать очередность на производство бесплатной и легальной операции в медицинских учреждениях. Приоритетом пользовались работницы ленинградских заводов [Лебина, 1994, с. 189].

Среди эмансипаторских мер социальной политики Советского государства в отношении женщин и детей стоит указать на пропаганду и частичную реализацию политики освобождения женщин от "быта". Речь идет о намерении снять и разделить (с государством) ответственность женщин за рекреационные функции семьи и социализацию детей. Именно в 1920-е гг. появляются теоретические работы А. Коллонтай, где ставится вопрос о необходимости введения специальной государственной политики в отношении семьи и женщин. Коллонтай, впитав феминистские идеи начала XX в. о глубоко неравных, патриархатных отношениях в семье и обществе, предлагала отказаться от традиционных форм семьи и семейной жизни. Она писала о необходимости "революции быта", реорганизации частной и семейной жизни (включение женщин в производство, оказание материальной поддержки матерям) путем социализации домашнего труда (организации общественных столовых, прачечных, ремонтных мастерских, яслей, детских садов) [Коллонтай, 1922, с. 170–173].

Однако практические реалии семейной жизни в 1920-е гг. были не столь радужны и однозначны, так как существовали значительные расхождения между риторикой о равенстве женщин и мужчин и ее воплощением. Реалии семейных практик и в горо-

⁶ Развод, регистрировавшийся и санкционировавшийся церковью, в истории Российской империи отнюдь не всегда был сложной процедурой. Так, до 1730 г. желающим развестись было достаточно обратиться к приходскому священнику и получить от него разводное письмо – документ, фиксировавший и подтверждавший развод. Начиная с 1760-х гг. и вплоть до 1860-х гг. церковная политика в этой сфере ужесточилась и разводов было мало. Их число начало расти после 1860-х гг. Официальный развод был распространен в городской среде, среди крестьянства же практиковались несанкционированные церковью "самовольные разводы" [Мионов, 1999, с. 174, 176]. За аборт по уголовному уложению 1903 г. существовала уголовная ответственность для врача (до 6 лет) и матери (до 3 лет).

⁷ Уровень развития контрацептивной отрасли фармакологии в то время был таков, что аборт оказывался единственным доступным и надежным, пусть и травматичным, способом контроля над фертильностью.

де, и в деревне были связаны с нищенским существованием оставленных (разведенных) матерей с несовершеннолетними детьми. Ибо при упрощении процедуры развода, неразвитости социальных служб и отсутствии обязательной и фиксированной поддержки со стороны государства женщины, особенно имеющие несовершеннолетних детей, экономически зависели от мужей.

Проблема усугублялась введением в Семейный кодекс 1918 г. дореволюционной, распространявшейся ранее на дворян и городское сословие имперской нормы семейного права о раздельном владении супругами имущества. Речь шла о том, что по Семейному кодексу имперского законодательства ни муж, ни жена не имели права пользоваться и управлять имуществом супруги(а) без их специального согласия. В имперский период истории России правовые нормы были сословными и регулировались по закону в дворянской среде и среди городского сословия, и по обычаю – в среде крестьянской. Дворянки и женщины городского сословия, выделенные в отдельную категорию, имели больше имущественных и наследственных прав, чем представительницы других сословий⁸. И их распространение на все население страны привело к неожиданным результатам. В случае развода сильно ущемлялись интересы неработающих женщин, так как они, не имея собственных дохода и имущества, не получали права даже на часть семейного имущества, заработанного мужем в браке, ибо согласно кодексу 1918 г. брак не создавал общности имущества супругов. Эта норма ставила женщину (особенно женщину с детьми) в экономически зависимое положение от мужа. Ведь подавляющее большинство женщин в России 1920-х гг. не работали и не имели собственных доходов.

Ситуация изменилась только в 1926 г., когда был принят новый Кодекс о браке, семье и опеке (КЗоБСО), согласно которому супруги, не имевшие самостоятельного дохода, получали права на часть имущества семьи. Помимо этого, вводился единый брачный возраст для женщин и мужчин – 18 лет (Декрет о браке 1917 г. устанавливал возрастную норму для женщин в 16, а для мужчин – в 18 лет); придавалось правовое значение фактическим брачным отношениям (однако введение данной нормы привело к правовой неопределенности, так как допускало законность и зарегистрированного брака, и фактического сожительства, при этом вопросы параллельного существования нескольких фактических сожительства или параллельного существования зарегистрированного брака и фактического сожительства оставались неотрегулированными); упрощалась процедура развода: развод производился в ЗАГСе, а не в суде, и в заявительном одностороннем порядке (второму супругу лишь сообщалось о факте развода, его присутствие при разводе было необязательным); восстанавливался институт усыновления, отмененный Семейным кодексом 1918 г.

В целом, по мнению С. Чуйкиной, семейная идеология тех лет характеризовалась двумя важнейшими принципами: 1) декларированным стремлением к достижению равенства как возможностей и мужчин, и женщин в профессиональном плане, так и их ответственности в семейной жизни и в родительстве; 2) принципиальной открытостью публичных дискуссий о семье, любви, сексе [Чуйкина, 2002, с. 112]⁹. Однако это было лишь декларированное равенство, ибо реалии семейных практик при облегчении процедуры развода вели к полному переносу ответственности за детей на

⁸ Имперские правовые нормы, защищавшие имущественные права замужних женщин дворянского и городского сословия в России, были прогрессивнее гражданских законов стран Западной Европы, использовавших кодекс Наполеона. Однако, хотя женщина не имела личной свободы, она могла осуществлять свои права до тех пор, пока не вступала в конфликт с мужем. Женщина не имела паспорта, не могла без согласия мужа наниматься на работу, выезжать за пределы своего города и т.д. (подробнее см. [Рабжаева, 2000, с. 172–189]). О праве женщины на имущество "по обычаю" в крестьянских семьях см. [Шанин, 2003, с. 120].

⁹ Принятию КЗоБСО предшествовало всенародное обсуждение проблемных вопросов брака и семьи в массовой периодической печати.

женщин. Кроме того, стоит указать, что у строящегося Советского государства не было ресурсов для осуществления объявленных эмансипационных программ по освобождению женщин от быта и от ответственности за воспитание детей.

Таким образом, этот период характеризуется разнообразием форм семейной жизни. Апробировались и легализовывались как самые разные формы семейных союзов (гражданский брак, гомосексуальные и тройственные союзы, семьи-коммуны, и т.д.), так и государственные практики социальной поддержки матерей и несовершеннолетних детей. Конец политики сексуальных свобод и социального экспериментаторства в сфере семьи, как указывает И. Тартаковская, был ознаменован появлением статьи директора института Маркса-Энгельса Д. Рязанова «Маркс и Энгельс против "вульгарного коммунизма" и половой вседозволенности» (1927 г.) [Тартаковская, 1997]. В этой, как и в других официальных публицистических статьях, осуждались сексуальная свобода, разврат, невоздержанность; поднимались вопросы защиты прав матерей с несовершеннолетними детьми [Социальное... 1994, с. 214–216].

Однако стоит указать, что ситуация в области семейных и сексуальных отношений по "свертыванию" либеральных свобод стала меняться несколько ранее, когда в обществе "поднялась волна" по так называемому Чубаровскому делу. Речь идет о групповом изнасиловании рабочими молодой крестьянки, приехавшей учиться в Ленинград. Этот случай, произошедший в Чубаровом переулке осенью 1926 г., имел широкий общественный резонанс. В прессе появились многочисленные статьи, обзоры, отклики читателей и даже стихи, осуждавшие случившееся и требовавшие сурового наказания для насильников [Найман, 2002]. Причина острой реакции общества была в том, что подобные преступления сводили на нет эмансипаторские усилия государства: для осуществления проекта эмансипации женщин, вовлечения их в стремительно индустриализировавшуюся экономику необходимо было обеспечить безопасность молодых женщин на производстве, в общественной сфере. Изнасилование, тем более групповое, в таких условиях становилось не только травмирующим женщину сексуальным опытом, но антисоциальным актом, подрывающим доверие к новому социальному порядку.

В сторону ужесточения моральных норм и ограничения сексуальных свобод эволюционировала и услуга бесплатного аборта. Лебина указывает, что уже в 1926 г. в Советской России были полностью запрещены аборты забеременевшим впервые, а также женщинам, перенесшим эту операцию менее полугода назад. Попутно с середины 1920-х гг. в печати началась кампания против абортотворения: осуждался эгоизм нерожавших женщин, говорилось о вреде операции для женского организма. Однако надо признать, что в печати тех лет прослеживались разные стратегии презентации аборта: от широкого эмансипационного дискурса, через медицинский и демографический до морального осуждения аборта как социальной практики репродуктивного поведения [Мерненко, 1999, с. 151–165].

Следующим шагом, ограничивающим доступность аборта, стало введение платы за эту операцию. Так, Лебина указывает, что "в Ленинграде в 1931 г. искусственное прерывание беременности в больничных условиях стоило 18–20 рублей при средней заработной плате 80–100 рублей. Эта мера обусловила резкий скачок числа криминальных абортотворений. Если в 1931 г. они составили 7,1% к числу всех операций, то в 1934 г. уже превысили 15%. А в 1935 г. плата за аборт еще раз повысилась и в зависимости от доходов семьи колебалась от 25 до 300 рублей [Лебина, 1994].

Масштаб востребованности этой достаточно дорогостоящей социально-медицинской услуги был таков, что Советское государство стало постепенно отказываться от ранее декларированной и гарантированной им свободы контроля над фертильностью. С одной стороны, это было связано с отказом от не обеспеченной ресурсами и во многом потому утопичной социальной политики первых лет Советской власти. С другой стороны, можно предположить, что степень востребованности абортотворения оказалась неожиданной для настроенных вполне традиционно и патриар-

хатно первых советских правителей и законодателей. Так, если в 1928 г. 41,3% зачатий заканчивались абортами, то в 1934 г. этот показатель возрос до 72,6% [Лебина, 1994]. Таким образом, ни ресурсов для поддержания индивидуальных свобод женщин, ни желания и политической воли для предоставления декларированных эмансипационных свобод у Советского государства не было.

В середине 1920-х – начале 1930-х гг. начался второй период в истории советской социальной политики, продолжившийся вплоть до середины 1950-х гг. Исследователи характеризуют его как период введения репрессивного законодательства в отношении семьи, сексуальности и ответственности женщин и мужчин за сексуальные отношения и родительство [Чуйкина, 2002, с. 113].

В 1936 г. выходит постановление "О запрете абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и садов, усилении уголовного наказания на неуплату алиментов и некоторых изменениях в законодательстве о разводе". Постановление содержало требование, что все беременности должны заканчиваться родами; сам аборт объявлялся запрещенной медицинской услугой, за которую предусматривалась уголовная ответственность и для самой женщины, и для врача, и для лиц, выполнявших посреднические функции. По мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей, введение репрессивных мер в семейную политику было связано с необходимостью увеличения рождаемости (ослабление семейных устоев, легализация разводов и абортов, неразвитость социальной инфраструктуры вместе с насаждавшимся принудительным трудовым укладом индустриально развивающейся страны, способствовали ее значительному снижению).

Представляется, однако, что помимо этого собственно "демографического" объяснения подобной социальной политики существует и другое – "стратегическое". Перед Советским государством стояла сложная задача создания индустриальных рабочих из крестьян, ставших "новыми горожанами". Для этого было необходимо убедить их в приоритетности интересов государства перед интересами индивидов и их семей. Стратегическая задача изменения социальной политики связывалась не только с установлением нового, коммунистического социального порядка, но и с введением новой трудовой дисциплины в стремительно индустриализовавшемся обществе. Справедливость этого тезиса можно подтвердить высказыванием Г. Свердлова: "Советское государство оставляет за собой весьма значительную сферу прямого и активного вмешательства в семейные отношения. Оно отвергает взгляд на отношения между полами, как на отношения индивидуалистические, личные, нейтральные для общества и государства" [Свердлов, 1941, с. 58].

Необходимо сказать, что именно в 1930-е гг. получила широкое распространение малая (нуклеарная) семья. Ее появление – своего рода "побочный" продукт сталинской индустриализации, связанный с характерными для индустриальных обществ тенденциями к индивидуализации частной жизни и масштабными миграциями. Постепенно менялся не только тип семьи и характер внутрисемейных отношений: российская семья от авторитарно-патриархатной модели продвигалась к более демократичным и равноправным отношениям – как между супругами, так и между родителями и детьми. Изменение отношения к ребенку/детям выражалось и в изменениях в репродуктивном поведении супругов (репродуктивный период регулировался и сужался контрацептивными практиками, а количество детей снижалось до одного-двух), а главное – в становлении семьи детоцентристского типа [Голод, Клецин, 1994, с. 9].

Семейная политика Советского государства эволюционировала в сторону ужесточения законодательства по пути "принудительной стабилизации семьи". Так, июльский 1944 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Матери-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Материнство"» вновь менял статус и конфигурацию как семьи, так и внутрисемейных отношений. Право-

вое значение придавалось только зарегистрированным бракам (при этом всем лицам, вступившим в фактические брачные отношения в период с 1926 по 1944 гг., предписывалось зарегистрировать брак, в противном случае он объявлялся недействительным). Ужесточалась процедура развода:

- было введено обязательное судебное разбирательство при разводе с процедурой примирения в народном суде и решением дела по существу только в вышестоящей судебной инстанции;

- брак расторгался лишь в случае признания судом необходимости его прекращения;

- делам о разводе стала придаваться широкая огласка (публичное судопроизводство с привлечением свидетелей, обязательная публикация в местной прессе объявлений о слушании бракоразводных дел).

Кроме того, указ запрещал установление отцовства в отношении детей, рожденных вне брака. После отмены имперских законов в 1917 г. фактически вновь вводилось понятие "незаконнорожденный", ибо дети, рожденные вне брака, не могли получить фамилию отца, даже если последний давал на это согласие. Ребенку присваивалась фамилия матери, а в свидетельстве о рождении (метрике) в графе "отец" ставился прочерк. Как указывает исследователь семейного права М. Антокольская, "этот указ отбросил наше законодательство на столетие назад" [Антокольская, 1999, с. 77].

Это означало, что во время войны и связанных с ней массовых миграций вся ответственность за внебрачную близость ложилась на женщину и впоследствии на ее ребенка. Государство снимало ее с мужчин-отцов, перекладывая на женщин-матерей и частично на себя, обязавшись выплачивать ежемесячные пособия на каждого рожденного вне брака ребенка. Таким образом государство решало вопрос воспроизводства населения в военные и послевоенные годы.

Эти изменения в законодательстве о семье выполняли одновременно две чрезвычайно важные и амбивалентные задачи в области семейной политики (стоит отметить, что с управленческой точки зрения они решались оптимально, с минимальными для государства ресурсными затратами). Первая, практическая задача была связана со стимулированием рождаемости в условиях войны и ликвидации демографического перекоса полов (нехватки мужчин); вторая, идеологическая, обуславливалась потребностью стабилизации общества и постулированием (введением) семейных норм жизни малой семьи.

Последняя задача была предельно важна. В условиях войны, массовых миграций, эвакуации, плена, оккупации, с одной стороны, происходил распад семей, и государство, ограничивая разводы, стремилось лимитировать индивидуальные свободы и индивидуальную мобильность своих граждан. С другой стороны, в военных и послевоенных условиях реально не хватало мужчин, и нормой жизни становилась материнская семья. Для того чтобы вернуть в повседневность понятие "нормы", то есть семьи, состоящей из отца, матери и ребенка/детей, в общественное сознание внедрялись понятия "неполная семья" и "незаконнорожденный", дискредитировались фактические браки и материнские семьи.

Третий период в истории советской социальной политики в отношении семьи начался после 1953 г. и продлился до распада СССР в 1991 г. Для него характерно постепенное "смягчение" практик государственного нормирования семейных и внутрисемейных отношений. Так, Указами Президиума Верховного Совета СССР в 1954 г. сняли уголовную ответственность за подпольный аборт, а в 1955 г. был разрешен аборт по медицинским и социальным показаниям. Тогда же увеличился отпуск по уходу за ребенком и составил 56 дней до и 56 дней после родов, введен оплачиваемый больничный лист по уходу за заболевшим ребенком и т.д.

В таком виде законодательство о семье просуществовало вплоть до 1968 г., когда были приняты Основы законодательства о браке и семье Союза ССР и республик. В 1969–1970-е гг. с опорой на них разработаны и приняты республиканские Кодексы о

браке и семье. Новое законодательство значительно упростило процедуру развода (через ЗАГС, в спорных случаях – через суд), узаконило аборт по личному выбору женщины, признало право установления отцовства, как в добровольном, так и в судебном порядке, подтвердило режим общей собственности для супругов, регулировало алиментные отношения.

В 1980-е гг. были реализованы вполне "социал-демократические" меры в области социальной политики в отношении женщин-матерей: введены единовременные пособия на каждого ребенка, частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до одного года, ряд производственных льгот работающим матерям. В 1980-х – начале 1990-х гг. увеличен до- и послеродовой отпуск до 70 дней; продлен до 1,5 лет частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком; введен отпуск по уходу за ребенком с 1,5 до 3 лет без сохранения содержания, но с засчитыванием рабочего стажа (дающего право на пенсию) и без утраты рабочего места, ряд других протекционистских мер по защите и стимулированию материнства. Эти действия государства можно определить как реализацию варианта социал-демократической модели социальной политики с высоким уровнем занятости и низким уровнем бедности, универсальным правом всех граждан на государственное социальное обеспечение и протекционистскими мерами по защите интересов выделенных социальных групп (в данном случае – работающих матерей и несовершеннолетних детей) [Григорьева, 1998, с. 35–37; Журженко, 2001, с. 86–87].

Подводя итоги, укажу, что начиная с середины 1930-х гг. в нашей стране сложился особый подход к семье, который просуществовал вплоть до начала 1990-х гг. Вот его характерные черты:

- семья понималась как важнейший институт советского общества, поэтому находилась под контролем государства и партии;
- материнство рассматривалось как важная социальная и государственная функция женщины, поэтому государство поддерживало его и морально, и материально;
- государство брало на себя существенную долю ответственности за воспитание, образование, охрану здоровья детей;
- женщины-матери несли ответственность за семью и семейный быт;
- женщины-матери несли ответственность за детей: за их здоровье, учебу, успешную социализацию.

Е. Здравомыслова и А. Темкина концептуализировали специфику описанных выше семейно-брачных отношений в рамках советской гендерной системы как базовый гендерный контракт "работающей матери" [Здравомыслова, Темкина, 1996]. В его рамках легализовалась "двойная" нагрузка на женщин-матерей, при этом государство предоставляло женщинам дополнительные "охранные" права, льготы и социальную инфраструктуру (оплаченные декретные отпуска, пособия на детей, разветвленная сеть доступных детских дошкольных и внешкольных учреждений и т.д.). Однако качество услуг в предлагаемых государством социальных службах и уровень развития производства товаров повседневного спроса к 1970-м гг. не соответствовали требованиям складывавшегося "общества массового потребления". Матери вынужденно прибегали к помощи бабушек, соседок и т.п. Как указывает Тартаковская, "легитимный гендерный контракт подразумевал и других участников, помимо женщины и государства" [Тартаковская, 1997, с. 54]. Из-за того, что учреждений по дошкольному и внешкольному воспитанию не хватало, а уровень их комфортности оставлял желать лучшего, в советской семье сложился значимый элемент легитимного гендерного контракта – "институт бабушек". Как показывает исследование В. Семеновой, бабушки в советской семье выступали в роли не только воспитателей внуков, но и ретрансляторов семейной культуры и собственного культурного статуса [Семенова, 1996].

Легитимный гендерный контракт, несмотря на официальную политику гендерного равенства, порождал и воспроизводил "биологизаторский" подход к женской гендерной роли, никак не способствуя перераспределению гендерных ролей между суп-

Конфигурация социального партнерства в деле воспитания детей.

ругами [Журженко, 2001, с. 92, 93; Римашевская... 1999]. В советской семье, как и в доиндустриальной семье имперского периода, сохранялась гендерная асимметрия, но асимметрия не вполне традиционная, ибо главной и основной фигурой в советской семье стала мать. Женщина-мать отвечала не только за рождение, воспитание, образование и здоровье детей, но и за быт и психологический климат семьи. Одновременно она поддерживала семейное благополучие своей зарплатой, ибо в подавляющем большинстве случаев мужа не хватало для обеспечения всех семейных нужд [Айвазова, 2001, с. 49]. Сложился своеобразный треугольник, в центре которого были дети/ребенок (см. рис.).

Основным и в большинстве случаев более надежным партнером женщины-матери становилось государство, а не муж и отец ребенка. Дело в том, что семья в России на протяжении всего XX в., как и во всех модернизированных обществах, становилась детоцентристской и малодетной [Семья... 1996].

Модернизационные изменения в брачности и рождаемости происходили и происходят под влиянием становления общества массового потребления, под влиянием развития контрацептивной промышленности, а главное – процессов женской эмансипации и изменения представлений о гендерных ролях в семье и обществе, стремлении к эмоционально-интимной общности супругов. Эти модернизационные влияния на семью и внутрисемейные отношения ведут, с одной стороны, к неустойчивости браков, к снижению уровней брачности и рождаемости. Как указывает Т. Журженко, "современная семья постиндустриального общества – это предприятие с неопределенным исходом, предполагающее имманентный конфликт интересов и гибкое перераспределение гендерных ролей; институт, все еще обеспечивающий функцию биологического воспроизводства и социализации детей, и в то же время все более зависимый от степени удовлетворения эмоциональных и психологических потребностей ее членов" [Журженко, 2001, с. 145].

С другой стороны, существует и обратная тенденция, которую У. Бек назвал "ростом привлекательности супружеской общности" [Бек, 2000, с. 171], когда в условиях глобальной и локальной социальной нестабильности семья (не только гетеросексуальная) становится желанным островком стабильности и привязанности в море "безбрежного индивидуализма". Такая ситуация способствует росту ценности семейной жизни в постиндустриальных обществах. Россия – не исключение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазова С. Гендерное равенство в контексте прав человека. М., 2001.
 Антокольская М.В. Семейное право. М., 1999.
 Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.
 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
 Беседа с доцентом Российского государственного медицинского университета И. Силуяновой: <http://www.r-komitet.narod.ru/zdravic/abort-Sil.htm>.
 Голод С.И., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи. СПб., 1994.

- Григорьева И.А. Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х гг. СПб., 1998.
- Дармодехин С.В. Семья и государство // Мониторинг социально-экономического потенциала семей. 2000. № 3.
- Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Учебное пособие. Ч. 1. Харьков, СПб., 2001.
- Журженко Т. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков, 2001.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Вып. 4. СПб., 1996.
- Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997.
- Коллонтай А. Положение женщин в эволюции хозяйства. Лекции, читанные в Университете имени Я.М. Свердлова. М., 1922.
- Куприянова Е.И. О семейной политике в Российской Федерации – некоторые итоги реализации // Мониторинг социально-экономического потенциала семей. 2002. № 1.
- Лебина Н.Б. В отсутствие официальной проституции // Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994.
- Мерненко И. Конструирование понятия аборта: дискуссия от разрешения к запрету (СССР, 1920–1936 годы) // Гендерные исследования. 1999. № 3.
- Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX вв.). В 2 т. Т. 1. СПб., 1999.
- Найман Э. Чубаровское дело: групповое изнасилование и утопическое желание // Советское богатство: статьи о культуре, литературе и кино. СПб., 2002.
- Рабжаева М. Женская эмансипация как опыт конструирования гендера // Гендерные исследования. 2000. № 5.
- Римашевская М., Ванной Д., Мальшева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М., 1999.
- Свердлов Г.М. О предмете и системе социалистического семейного права // Советское государство и право. 1941. № 1.
- Семенова В.В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М., 1996.
- Семья в современном европейском обществе. М., 1996.
- Социальное обеспечение РСФСР к десятой годовщине Октября // Антология социальной работы. Т. 1. М., 1994.
- Тартаковская И. Социология семьи пола. Самара, 1997.
- Чуйкина С. “Быт неотделим от политики”: официальные и неофициальные нормы половой морали в советском обществе 1930–1980-х годов // В поисках сексуальности. Сборник статей. СПб., 2002.
- Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. 2003. № 1.

© М. Рабжаева, 2004

Сдано в набор 22.12.2003	Подписано к печати 05.02.2004	Формат бумаги 70 × 100 ^{1/16}
Офсетная печать	Усл.печ.л. 14,3 Усл.кр.-отт. 27,3 тыс.	Уч.-изд.л. 18,4 Бум.л. 5,5
	Тираж 1883 экз.	Зак. 8059

Свидетельство о регистрации № 0110134 от 04.02.1993
 Министерство печати и информации Российской Федерации
 Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: 119991 Москва, Мароновский пер., 26
 Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
 Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6